

САМИД АГАЕВ

ТАЙНА КНИГИ АРИСТОТЕЛЯ

Самид Сахибович Агаев

Тайна книги Аристотеля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62640543

Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2020

ISBN 9780890007488

Аннотация

Предпосланный книге подзаголовок – сказка для взрослых, не совсем точно отражает содержание, и это, несмотря на то, что в романе есть джины, драконы и прочее волшебство. Однако в тексте имеются и реальные исторические персонажи, чиновные лица Аббасидского халифата, сыгравшие значительные роли в судьбе мусульманской империи. Это магический реализм в истинном смысле этого слова, переплетение дворцовых интриг, заговоры, взлеты и падения принцев крови, вазиров, сановников и военачальников. Все это достоверные исторические факты, которые нанизаны на собственно волшебную канву. Средневековый колорит точен настолько, насколько возможно его живописать, отстоя от событий на тысячу лет. Когда-то писатель Владимир Орлов заметил, что Самид Агаев создал оригинальный жанр исторической прозы. Это не беллетристика Дюма и не хроника Дрюона, а та область что находится между ними. В данном сочинении он обращается к традициям «1001 ночи». Приговоренный к смерти за оскорбление его святейшего величества халифа, дервиш продлевает свою жизнь,

развлекая наместника пророка занимательными историями, и в конце концов получает шанс на спасение. За приключениями и волшебством проглядывает мораль, жизненная философия, читатель получает возможность оглянуться на собственную жизнь, и сделать для себя выводы, правильно ли он поступает, так ли относится к близким, как они того заслуживают.

Содержание

1	6
2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Самид Агаев
Тайна книги Аристотеля
Сказка для взрослых

*«Из ложных посылок можно вывести истинное
заключение»
Аристотель*

Во второй половине дня весеннего месяца *шабана*, некий дервиш, собрав вокруг себя толпу на площади, прилегающей к *Суку*, – главному рынку Багдада, рассказывал занимательные истории. Подавали мало, на дне чаши для подаваний, выдолбленной из высушенной тыквы, лежали два данника. Завершив очередную историю, он вновь пустил чашу по кругу, однако она вернулась пустой, тогда он сказал следующее:

– Пришел как-то к халифу один человек из числа просителей во время его аудиенции и сказал ему: «О, повелитель правоверных! Отдай мне свою мать в жены, больно у нее корма велика, нравится мне». До смерти перепуганные придворные замерли, ожидая во что выльется гнев всемогущего халифа. Но тот лишь рассмеялся и ответил наглецу: «Я бы отдал. Но ведь через это и отец мой ее любит».

После недолгого молчания раздался чей-то смешок, затем второй, и вскоре толпа, обступившая рассказчика, дружно хохотала над услышанным. В чашу посыпались монеты. Дервиш, худощавый человек средних лет, кланяясь, стал благодарить слушателей. Послышались голоса: «Расскажи, расскажи еще что-нибудь».

– Не могу друзья мои, – отказывался рассказчик, подняв руки, словно моля о пощаде. – Горло пересохло. Приходите завтра. Я буду здесь в это же время.

Толпа стала расходиться. Вскоре возле него остался только один человек, юноша лет восемнадцати.

– Ну и как это тебе нравится, – обратился к нему дервиш, – битый час я им рассказывал поэму о любви, никто даже не шевельнулся. Стоило перейти к похабным анекдотам, так сразу денежки посыпались. Что за люди?! С кем придется дело иметь. Разговоры о прекрасном на них не действуют. Им подавай скабрёзности. Увы, мой юный друг, увы, миром движут низменные инстинкты. И с этим приходится считаться.

Он пересчитал подаяние и воскликнул:

– Гляди-ка, кто-то дирхем целый не пожалел.

– Это был я, – сказал юноша, – но я как раз оценил поэму. А что, влюбленные, действительно, сгорели?

– Точно так, – подтвердил дервиш, – заживо.

– Но почему?

– Как почему? Ты что плохо слушал? Мачеха подсунула девушке заколдованное свадебное платье. В брачную ночь, когда влюбленные остались наедине, жених не смог снять с нее платье. Расстегивал пуговицы, а они застегивались снова. Он пуговицы расстегивает, а они опять застегиваются. И так продолжалось до тех пор, пока юноша, объятый внутренним пламенем неутоленной страсти, не вспыхнул от любовного жара. Как тут с собой совладать. Ну и девица, соответственно сгорела вместе с ним.

– Почему вы не изменили конец этой истории? – спросил

юноша. – Ведь это в ваших силах. Вы же рассказчик. Пусть бы они были счастливы.

– Это невозможно, – категорически заявил дервиш, – во-первых, это не я сочинил. Какое я имею право, что это будет, если каждый станет перекраивать сочинение на свой лад. Во-вторых, – истории со счастливым концом, ...за них, почему-то платят меньше. Наверное, от зависти. А вот когда у кого-то жизнь сложилась хуже, чем у тебя. Тут можно и расщедрится. Но ладно. Я бы с тобой еще поболтал, я вижу парень ты неглупый, но мне некогда. Дел невпроворот, да и о ночлеге надо подумать.

Потеряв интерес к разговору, он достал из котомки иголку с ниткой и принялся пришивать к халату отрывающуюся заплату. Но юноша не уходил. Он стоял в лучах заходящего солнца, и тень от его фигуры падала как раз на дервиша. Бумажный колпак последнего, покрытый изречениями из Корана, все время норовил сползти с его головы. Так, что он снял его, обнажив бритую голову. Заплату пришивал на вполне еще добротный халат. Закончив со своим делом, он поднялся и сказал все еще стоявшему в задумчивости слушателю:

– Послушай, я пришил твою тень к своему халату. Так что теперь куда я, туда и ты.

После этого дервиш засмеялся, и, забросив котомку за спину, направился в сторону ближайшего переуллка. Сделав

несколько шагов, он оглянулся и удивился, обнаружив, что юноша следует за ним.

– Послушай, сынок, – крикнул он, – вообще-то это была шутка. Я пошутил, это же остроумно, разве нет? Но это не означает, что ты должен идти за мной.

Юноша смущенно улыбнулся.

– Простите, я не понял, что это шутка. Да, конечно, я не буду идти за вами.

Дервиш хмыкнул и продолжил свой путь. Но в конце базарной площади вновь оглянулся. Юноша все еще стоял, не двигаясь с места.

– Эй, – крикнул дервиш, – иди сюда.

Юноша подошел.

– Тебе что, некуда пойти?

– Нет, – сознался юноша.

– Ладно, пойдем со мной, угощу тебя ужином. Все-таки ты дороже всех оценил мое искусство рассказчика. Не возражаешь?

Юноша не возражал. Они вместе покинули площадь. За ними, держась поодаль, последовал еще один человек, слонявшийся неподалеку.

Дервиш привел парня на берег Тигра. Здесь у пристани находился *хан* с открытой верандой.

– Здесь подают лучший кебаб во всем городе, – заявил дервиш, – и знаешь почему? Потому что хозяин каждый день самолично режет двух баранов и готовит из них еду. Если

мясо остается не проданным, его отправляют в дом, где готовят еду для бедняков. Обычно здесь полно народу, интересно, свободны ли отдельные кабинеты.

– Может быть, сядем на веранде, – предложил юноша. – Здесь хороший вид и свежо.

– Там вид еще лучше, отдельные кабинеты – на лодке, – дервиш кивнул в сторону реки, где в воде стоял крытый *таййар*, пришвартованный к небольшой деревянной пристани, разукрашенный и расписанный яркими красками. – Здесь на веранде нельзя заказать все, что тебе вздумается. Вино, например. Ты пьешь вино?

– Вообще-то нет.

– Почему? Пророк не позволяет?

– Дозволяет. Я не мусульманин. А вы?

– А я мусульманин. Но я мусульманин того периода, когда Мухаммад еще сам пил вино. Я брошу пить, когда достигну того же возраста, в котором пророк запретил вино, так будет справедливо, и тебе придется с этим смириться.

– Да я не против.

– Вот и хорошо.

К ним подошел администратор, приветствовал и переговорил с дервишем. Прошли за ним через веранду на пристань и по скрипучим сходням поднялись на лодку. Провожатый привел их в небольшую каюту. Столик и две лавки, небольшое оконце. От проплывающих мимо лодок образовывались волны, и плавучий кабачок покачивало.

– Какие будут пожелания? – спросил подавальщик.

– Кебаба две порции, закуски и нектар, ты знаешь, о чем я. – распорядился дервиш.

– Кебаба сегодня нет, – сказал подавальщик.

– Как это нет. – воскликнул дервиш, – я всю дорогу расхваливал ваше мясо, а его нет! А что есть?

– Рыба, *мангара*, не пожалеете, очень вкусно, наш повар готовит ее на решетке.

– Что это за рыба, – спросил юноша, – я рыбак, никогда не слышал.

– Это усач, – ответил дервиш, – иракцы называют ее *мангара*.

– Я могу сам за себя заплатить, – сказал юноша, – не надо меня угощать.

Дервиш хмыкнул.

– Вообще-то это правильно, если я вскормлю тебе твой же дирхем, это будет неправильно. Ты мне нравишься. Как тебя зовут. Меня – Хаджи-баба.

– Меня зовут Гариб.

– Гариб, – то есть чужестранец. Интересное имя у тебя. О чем твои родители думали, когда тебя называли.

– Не знаю, – ответил юноша, – когда они были живы мне не пришлось в голову спросить, а сейчас уже поздно.

– Да будет земля им пухом. Ну скажи мне, чужестранец, откуда ты взялся и что тебе нужно в славном городе Аль-Мансура? Ты ведь нездешний.

В дверь стукнули, затем она отворилась и вошел подавальщик с подносом. С него на стол перекечевали свежее испеченная лепешка, козий сыр, тарелка с овощами и зеленью, и глиняный кувшинчик, неказистый, но круглобокий. Дервиш удостоверился в сохранности печати и кивнул головой. Подавальщик взломал печать. Дервиш вдохнул аромат и спросил:

– Откуда вино?

– Сирийское, пятилетней выдержки. Рыбу подадим позже, сперва закусите сыром.

– Ладно, иди. Будешь еще учить нас, чем закусывать.

Подавальщик виновато улыбнулся, наполнил чаши вином, пенящимся фиолетовым пузырями, и удалился. Дервиш погладил кривобокий кувшинчик и произнес:

Мне говорят кривы мои бока, что ж дрогнула горшечника рука.

– За знакомство, – добавил он, поднимая чашу.

Юноша медлил.

– Тебя что смущает? – спросил Хаджи-баба. – Пить или не пить? Не бойся. В этом заведении давние традиции. Никто не донесет. Мулам сюда вход заказан.

– Дело не в этом, – ответил Гариб, – и я вообще не мусульманин, *гебр*.

– Тогда тем более, пей. Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Надо же, восемнадцать. А выглядишь моложе. Мне вот

уже сорок семь, а выгляжу на пятьдесят, это несправедливо. Свою жизнь я посвятил суфизму. Десять лет провел в ордене танцюющих дервишей. А потом ушел от них.

– Почему? Разочаровались в учении?

– Да нет, просто голова кружиться стала, решил найти себе занятие поспокойнее. Ушел так сказать, на вольные хлеба. Теперь сам себе хозяин. Запомни, парень, главное, в жизни, это независимость. Как говорили древние философы, – потерять независимость много хуже, чем потерять невинность.

Гариб спросил:

– Что означает быть суфием?

– Освободиться от собственного я, – ответил дервиш.

– Мне это нравится, – сказал юноша и задал новый вопрос, – и все же ты мусульманин?

– Суфий не может быть только мусульманином. Многие люди говорят – мы верим только в Моисея или Христа. Другие верят *ведам* или священным писаниям. Но для суфия неважно кто сказал правду, тот или иной. Важна суть того, что было сказано. Если он находит истину в словах Заратуштры, он принимает ее. То же в Каббале, Коране, Библии. В действительности не может быть много религий, есть лишь одна. Как не может быть двух истин. Есть только один Бог и одна религия. Пей!

Поскольку юноша все еще колебался, дервиш произнес:

Пей, будет много мук, пока твой век не прожит.

Стечение планет не раз твой ум встревожит.
Когда умрем, наш прах пойдет на кирпичи
и кто-нибудь себе из них хоромы сложит.

Произнеся это четверостишие, Хаджи-баба выпил вино и поставил чашку на стол. Юноша последовал его примеру. Потом спросил:

– Какие замечательные слова. Кто это?

– Один поэт, я был знаком с ним короткое время, когда путешествовал по Ирану. Там есть такой городишко – Рей. Я жил в дервишеской ханаке. Вышел вечером во двор и увидел человека, который неотрывно смотрел на небосвод. Потом я услышал, как он произносит:

Как жутко звездной ночью, сам не свой
Стоишь окутан бездной мировой,
А звезды в буйном головокружении
Несутся мимо в вечность по кривой

Эти слова так поразили меня, что я немедленно предложил ему выпить со мной. Он, не чинясь, согласился. Мы пили всю ночь и разговаривали. И здоров же он выпить. Этот человек был кладезь мудрости, и он читал мне стихи всю ночь. И эта была лучшая ночь в моей жизни. Вообще то он назвался астрономом, сказал, что улемы обвинили его в безбожии, потому-то он продемонстрировал им, что земля крутится вокруг солнца, а не наоборот. Разъяренная толпа раз-

громила и сожгла его обсерваторию. Он скрывался от фанатиков и одну ночь провел в этой ханаке. Затем он отправился в хадж. Звал меня с собой, но я отказался, до сих пор жалею об этом.

Так откуда ты, мой юный друг. Что оставил и что ищешь?

Осушив чашу, юноша захмелел сразу же, в глазах его появился блеск. Он отложил хлеб, который держал в руках, и сказал:

– В Гиляне у отрогов гор есть рыбацкая деревушка. Я там родился и прожил всю жизнь. Ловил рыбу вместе с отцом. Родитель недавно умер, а мать я потерял еще раньше. В общем, я сирота.

– Это я уже понял. Почему же ты оставил сей доходный промысел? Бросил отчий дом?

Юноша усмехнулся.

– Этот доходный промысел позволяет едва концы с концами сводить. Но дело даже не в этом. Я не хочу всю жизнь быть рыбаком.

– А чего же ты хочешь? Могу предложить тебе работать со мной. Мне нужен помощник. Я научу тебя всем уловкам своего дела. У меня раньше была обезьянка. С ней больше подавали. Потом она издохла.

Юноша засмеялся.

– Вы хотите использовать меня вместо обезьянки?

– Ну что ты, мы придумаем какую-нибудь забавную сценку. Допустим, я буду тебя погружать в сон, а толпа будет за-

давать тебе вопросы. А ты во сне будешь на них отвечать. Что отвечать, я буду тебе подсказывать.

– Спасибо, но мне это не подходит. У меня другие помыслы.

– Интересно было бы узнать. Ну давай еще выпьем.

Дервиш наполнил чаши.

– Будем здоровы! – сказал он и выпил.

Гариб последовал его примеру, но прежде, чем выпить произнес.

– Предлагаю выпить за исполнение желаний.

Хаджи-баба согласно кивнул и спросил. – И чего же ты желаешь?

– Я ушел из дома в поисках счастья, – помедлив, произнес юноша.

– За это надо еще выпить, – немедленно предложил дервиш.

– Нет, нет, – возразил Гариб, – мне хватит, я больше не буду.

Дервиш не стал настаивать.

– Ладно. Я один выпью за твою удачу Гариб, но теперь я буду звать тебя Галиб. Был ты чужестранец, станешь – победитель. Как сказал Аристотель, – хорошее имя – половина дела. А как ты собираешься его проверить. И что там у тебя в случае удачи. В моем понимании – счастье – это собственный дом, куча золота, красавица жена. У тебя есть, наверное, какой-то план. Поделись со стариком. Глядишь, чего-нибудь

присоветую.

Юноша улыбнулся, но ответить не успел. В этот момент стукнули в дверь и появился подавальщик с большой продолговатой деревянной тарелкой, на которой лежала поджаренная рыба, засыпанная мелко рубленой зеленью и кольцами красного сладкого лука. Он водрузил ее на стол и пожелал хорошего аппетита.

– Вы читаете чужие мысли? – спросил юноша.

– Точно так, – подтвердил дервиш, – ешь, утолим чувство голода, а затем ты мне скажешь, насколько правильно я прочитал твои мысли.

– Что-нибудь еще? – спросил подавальщик, все еще стоявший в дверях.

Дервиш потряс кувшином и вылил остатки в свою чашу.

– Принеси еще один.

Подавальщик согласно кивнул и ушел, прикрыв за собой дверь.

Принялись за рыбу.

– Когда ты ел в последний раз? – спросил дервиш, глядя, как лихо управляется сотрапезник с едой.

– Вчера вечером.

– Так сейчас тоже почти вечер. Отчего такие перерывы, питаться надо вовремя.

– Я экономлю. С деньгами не густо.

– С деньгами не густо, а мне отвалил целых дирхем. Я это оценил, парень. Как тебе рыба?

– У нас лучше готовят.

– Кто бы сомневался.

– У нас готовят рыбу с начинкой из ореховой пасты и запекают в тандыре. Очень вкусно.

Дервиш допил вино и спросил:

– Так что ты мне хотел рассказать?

– Я? – удивился юноша. – Ничего.

– Как же ничего. Ты хотел рассказать мне свою тайну. Секрет, как стать богатым и счастливым. У тебя ведь что-то есть за душой. Выкладывай.

– Простите меня, но я не могу открыться первому встречному.

– Чудак-человек, в жизни все так и происходит, потому что первый встречный – это человек, с которым тебя сводит Бог.

– И все же мы недостаточно хорошо знакомы, – возразил юноша, – со временем, может и расскажу.

– Будь по-твоему, – дервиш не стал настаивать, – я вообще-то не охоч до чужих секретов. Во многом знании, много печали. Что-то вино долго не несут. Я уже трезветь начинаю.

В этот момент появился подавальщик. За его спиной стоял хозяин заведения. Тучный вислоусый человек с мрачным выражением лица.

– Хаджи эфенди, – сказал подавальщик, – соблаговолите рассчитаться со мной.

– Я просил принести еще вина, а не счет, – удивился дер-

виш.

Подавальщик развел руками.

– В чем дело, Ахмад-ага, – обратился к хозяину дервиш, – с каких пор в твоём заведении ввели ограничения?

– Там пришли за тобой, – объявил хозяин.

– Кто? Я никого не жду.

– Они из *мауны*. Я попросил их не входить сюда, чтобы не беспокоить других гостей. Пообещал привести тебя. Пойдем.

– Какой неожиданный поворот. – заметил дервиш, и, обращаясь к юноше, – я скоро вернусь, – он поднялся бросил несколько монет на стол. Этого хватит?

– Более чем, – сказал хозяин, – не обижайся, прошу тебя. Если бы я не обещал привести тебя, они бы пришли сюда. А здесь вы вино пьете. Было бы только хуже вам.

– Ладно, пойдем. – Дервиш последовал за хозяином.

На берегу его ждали два *сбира* и *мухтасиб*. В нескольких шагах поодаль в сумеречной тени в тени платана стоял еще один человек. Когда привели дервиша, *мухтасиб* посмотрел в его сторону, тот кивнул головой. Верно, это был соглядатай. Сделав свое дело, он скрылся.

– Я твое лицо запомнил, – крикнул сообразительный дервиш ему вслед. – В чем дело? – спросил он у *мухтасиба*?

– Ты арестован, по обвинению в оскорблении повелителя правоверных, – заявил *мухтасиб*. – У тебя был сообщник.

Где он?

– Нет у меня сообщника, – заявил дервиш, – я был один.
Мухтасиб бросил взгляд на хозяина.

– Он был один?

Хозяин неопределенно пожал плечами.

– Следуй за мной, – приказал *мухтасиб*.

Дервиша увели. Хозяин провожал процессию взглядом, пока они не скрылись из глаз. Затем вернулся к юноше. Тот встретил его тревожным взглядом.

– Тебе, парень, лучше уйти, – сказал ему хозяин.

– Да, я понимаю, – согласился юноша.

– Нет, не поэтому. То, что твоего друга забрала полиция, для меня ничего не значит. В моих глазах – вы честные, добропорядочные граждане, мои клиенты. Просто они могут вернуться и арестовать и тебя. Так часто бывает, так что уходи от греха.

– Благодарю вас, я так и сделаю. Вы не знаете, за что его арестовали?

– А ты?

– Понятия не имею.

– Если ты не знаешь, то я и подавно. Иди, не тяни время.

Галиб (будем и мы так его называть) встал и направился к сходяням. Но там на берегу уже его ждали *сбирь*.

– Проклятье шайтану, как в воду глядел, – сокрушенно сказал хозяин.

– Может, мне лучше прыгнуть в реку и переплыть на дру-

гой берег, – растерянно спросил юноша.

– Хорошо плаваешь?

– Да.

– Все равно, я бы на твоём месте этого не делал. В середине реки сильное течение, и вода еще холодная. А они воспользуются лодкой. Утонешь еще, не дай бог. Ты ничего не натворил?

– Нет.

– Тогда лучше сдайся. Бог даст обойдется. Все в руках Аллаха.

Юноша обреченно пошел по сходням на берег, где его арестовали. Так неожиданно печально закончился день, не предвещавший ничего дурного.

Когда за спиной юноши с грохотом закрылась дверь, он оказался в сумраке. Стоял, не двигаясь, ожидая, пока глаза привыкнут к отсутствию света. Это был мрачный склеп, довольно сырой, слышно было, как где-то капает вода. В глубине помещения что-то зашевелилось. Оттуда донесся знакомый голос.

– Давно не виделись, друг мой, проходи, не стесняйся.

– Хаджи-баба, это вы? – спросил юноша.

– Я, иди сюда.

Глаза юноши наконец полностью привыкли к темноте, и он разглядел у противоположной стены лежанку и человека на ней.

– Видишь, друг мой, – сказал дервиш, – ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Ты не пожалел для меня целого дирхама, и в итоге оказался в зиндане.

– Я так не думаю, – возразил юноша.

– Это хорошо. А то меня угрызения совести мучают.

– А за что нас арестовали? – спросил юноша. – Неужели за питье вина?

– А ты не спросил у конвоиров?

– Спросил, но мне сказали – придет время, узнаешь.

– Если тебя интересует, то я могу объяснить. Тебя взяли, как сообщника. Я не сообразил, надо было тебе сразу исчез-

нута, и они бы тебя не сцапали.

– Меня духанщик предупредил. Но было поздно. А вас за что взяли?

– За оскорбление повелителя правоверных. Говорил мне мой наставник шейх Ибад:

«Хаджи душа моя, не рассказывай политических анекдотов, доведут они тебя до сумы и до тюрьмы». Как в воду глядел старый хрыч. С сумой я-то давно хожу, а вот и до тюрьмы дело дошло. Ладно, давай спать. Утро вечера мудренее. Ты где сегодня собирался ночевать? Не знаешь. Ну вот видишь, нет худа без добра, и крыша над головой нашлась. Сэкономим на ночлеге. Во всем при желании можно найти положительные стороны.

– А что нам грозит за оскорбление его святейшества халифа?

– Думаю, что смертная казнь.

Услышав эти слова, юноша побледнел. Впрочем, в сумраке камеры это не было заметно. Но он выдал себя, сказав:

– Что-то мне дурно стало.

– Ничего. Это пройдет, – успокоил его дервиш. – Ложись и дыши поглубже. Здесь свежий воздух, как ни странно. Видишь окошко под потолком из решетки? Здесь недалеко река, я чувствую ее дыхание и чайки кричат.

– Здесь очень сыро, – садясь на лежанку, заметил юноша.

– Так я же говорю река здесь. Тигр. Тебе легче стало?

– Да, благодарю вас.

– Ты хоть женится-то успел?

– Нет, думал успеется.

– Теперь уже вряд ли. Ты еще не успел, а я уже не успею.

– А вы собирались жениться в вашем-то возрасте?

– Я не люблю, когда мне напоминают про мой возраст, –

недовольно сказал дервиш, – это единственная вещь, которая нарушает мою гармонию с окружающим миром. Если вдуматься – возраст человека вообще значения не имеет. Иной отрок умирает, а старец живет.

– Вы правы, я сказал, не подумав. Извините.

– Так зачем ты здесь, парень? – спросил дервиш. – Перед лицом смерти не гоже тaitся друг от друга.

– Вы меня опередили. Я бы и сам рассказал.

– Ничего, если я лежa буду слушать? – спросил дервиш. –

Устал что-то сегодня. И этот арест. Прямо не знаю, что и думать. Кто-то выследил нас и настучал, куда следует. Хорошо, хоть вино допить успели. Этого бы я им не простил.

В зарешеченном оконце появились первые звезды. Дервиш расположился на лежанке, запрокинув руки за голову.

– Вы сказали, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным, вы так считаете? – спросил юноша.

– Совершенно верно, – подтвердил дервиш. – И настаиваю на этом. Ситуации бывают разными. Вот, к примеру, история. Как-то царь Хосров Парвиз поехал на охоту и по дороге ему встретился человек безобразной наружности. А царь этот чрезвычайно был склонен верить в приметы. Уви-

дев прохожего, он решил, что это не к добру, что это предвестник беды. Осерчав, он приказал своей свите поколотить бедолагу, хотел даже убить его, но пожалел. Бросили избитого на дороге и продолжили путь. Охота у Хосрова в этот день оказалась удачной, настрелял много дичи. Довольный он возвращался во дворец и вновь встретил того самого человека. Тот был теперь в плаще с башлыком, не узнанный он остановил царя, и спросил, удалась ли охота. «Еще как удалась», – ответил царь. «Не было ли у тебя перед охотой дурных предзнаменований?» – спросил человек. Царь рассказал все, как было. Тогда человек открыл лицо и спросил: «При нашей встрече мне достались побои, а тебе – удачная охота. А теперь скажи, кто из нас приносит несчастья?» Царь рассмеялся и приказал щедро наградить прохожего.

– Это вы к чему рассказали? – поинтересовался Галиб.

– Я это рассказал, чтобы изменить нашу судьбу, несмотря на столь неудачное начало. Это возможно, если, предчувствуя беду, поговорить об этом. Так что там у тебя за таинственная история?

После долгой паузы Галиб заговорил.

– Как-то я спас тонущего человека. Он провел в море несколько дней, держась за обломок корабля. Они попали в шторм. Его вынесло к берегу, я как раз стоял там, смотрел на бушующее море. Он бы утонул, если бы я не бросился на помощь. Я хорошо плаваю в любую погоду. Мне все равно волны или штиль. Вытащил его, отнес домой. Он был совсем

плох, бредил и несмотря на все мои старания умер от горячки. Но перед смертью он открыл мне свою тайну. Оказывается, что на свете существует долина счастья. Слышали о такой?

– Не слышал. Где она находится? В какой области?

– В том то и дело, что несведущему человеку туда путь заказан. Но есть план местности и маршрут. Если выйти из Багдада через ворота Баб-аш-Шаммасия и идти никуда не сворачивая, то на исходе третьего дня можно увидеть деревья, растущие на вершине холма.

– Послушай, – зевая сказал дервиш, – парень, если ты знаешь путь к этой долине счастья, как ты ее называешь, зачем же ты связался со мной? Шел бы своей дорогой. Вместо этого сидишь в *зиндане*, и теперь счастья тебе не видать, как своих ушей.

– В этом то все и дело, – воскликнул юноша, – я не знаю туда дороги. Этот человек, которого я спас, в юности, был каллиграфом, переписывал книги. В книжной лавке, где он трудился ему попался один древний манускрипт. Он перелистывал ее в минуты отдыха. Это была «Тайна тайн» Аристотеля, древнегреческого философа...вы недавно его вспоминали, я еще подумал, какое совпадение...

– Я знаю, кто такой Аристотель, – перебил его дервиш, – только не помню у него такого сочинения.

– В этой книге изображен план этой местности.

– Почему же он сам не воспользовался этим планом.

– У него не оказалось достаточно денег, чтобы ее купить, это дорогая книга. И он решил срисовать карту, но успел только половину начертить, а на следующий день, придя в магазин, чтобы дорисовать оставшуюся часть, оказалось, что книгу уже купили. То есть у него была только часть карты.

– Разве нельзя было выяснить, кто купил книгу и пойти к покупателю, – спросил дервиш.

– Он так и сделал, и выяснил, что книга была куплена для библиотеки повелителя правоверных. Вы что спите?

– Нет, нет, – всхрипнув, ответил дервиш, вынырнувший из мгновенного сна, – я внимательно слушаю тебя.

– Кажется, вы мне не верите? – с обидой в голосе сказал юноша.

Не желавший поначалу открывать своей тайны первому встречному, он теперь искал доводы чтобы убедить спутника в своей правоте.

– Ну почему же, – возразил дервиш, только мне кажется, что это запутанное дело.

– Я предлагаю вам стать моим компаньоном в этом деле. Вы согласны?

– Благодарю тебя, мой юный друг. Это щедрое предложение. И видно по всему, что исходит оно от чистого сердца. Но давай сначала проясним, что ты подразумеваешь под словом – счастье. Что, по-твоему, находится в этой долине? Если золото, то я согласен. Если любовь и прочие глупости, то нам с тобой не по пути.

– Я не знаю, – признался Галиб.

– Я подумаю над твоим предложением, – сказал дервиш, – но удивляюсь я тебе. У тебя был дом. Ты жил на берегу моря. У тебя было ремесло, и худо-бедно ты зарабатывал на кусок хлеба каждый день. Ты мог бы жениться на соседской девушке, родить сына и прожить там на родине всю свою жизнь. Вместо этого ты все бросил и пришел в Багдад на поиски счастья. Это неразумно. Сознайся, что по соседству живет девушка, которая с радостью стала бы твоей женой.

– Но сами вы почему не поступили так, как советуете мне?

– Я суфий, аскет. Это моя жизнь. Мое призвание. Но ты не ответил про девушку.

– Не ответил.

– Не хочешь говорить об этом. Ну ладно. В любом случае, благодаря знакомству со мной, ты здорово продвинулся по пути к разгадке тайны.

– В каком смысле, что вы имеет в виду?

– Книга, судя по всему, находится в библиотеке халифа, а мы сидим в темнице халифа. Нам удалось сократить расстояния, отсюда до библиотеки рукой подать. Правда, между нами виселица или плаха, но это пустяки, верно?

– Я никак не возьму в толк вы шутите или смеетесь надо мной? – спросил Галиб.

– Ни то, ни другое. Я просто обозначаю положение вещей, – ответил дервиш, – однако, давай спать. Утро вечера мудренее.

После этих слов он сразу же захрапел. Галиб тоже закрыл глаза. Однако сон не пожелал прийти к нему. Он долго ворочался, пытаясь заснуть. Затем смотрел в окошко. Синь ночного неба виднелась сквозь дымку лунного света. Мысли одна за другой бередили его сознание, волнуя, не давая успокоиться. Дервиш оказался человеком проницательным. Заставил думать о том, о чем он старался не вспоминать. Когда он зашел к соседу, чтобы попросить его приглядеть за домом, дверь ему открыла младшая из его дочерей Алия.

– Все-таки уходишь, – почему-то с обидой в голосе произнесла она.

– Ухожу, – подтвердил Галиб, – ты что-то имеешь против? Чем ты недовольна?

– Вот еще. Мне все равно, – ответил Алия.

Но Галибу показалось, что глаза ее заблестели. Она хотела ему еще что-то сказать. Но в это время появился ее отец, и девушка скрылась в глубине дома. Галиб на этом воспоминании открыл глаза и увидел, что тюремную клетку заливают лунный свет из отверстия под потолком. Заснул под утро, да так крепко, что, когда проснулся, долго не мог понять, где находится. А, когда сообразил, подскочил на месте. В камере он был один. Галиб сидел на лежанке и гадал над причиной исчезновения своего товарища, – а может и не было никакого дервиша. И все ему привиделось. *Иблис* решил подшутить над ним. В этот момент открылась дверь, и в камеру, звеня ключами, вошел тюремный надзиратель.

– Простите, уважаемый страж дверей, – обратился к нему Галиб, – здесь со мной был еще один человек или мне при-
виделось?

Обращение польстило надзирателю, он осклабился в улыбке и добродушно сказал:

– Ты, парень, глаза вином бы не заливал в таком количестве, тогда бы отчет отдавал в своих действиях. Такой молодой, а уже пьяница. Нехорошо.

– Да я вообще-то не пью, – возразил Галиб.

– В таком случае я тоже трезвенник, – почему-то с грустью произнес надзиратель. – Вином от тебя несло на *фарсанг*, поэтому и не помнишь ничего. Приятеля твоего увели на допрос.

– А меня почему оставили?

– Откуда же я знаю, но ты не расстраивайся, за этим дело не станет. За тобой тоже придут. Ты почему не поел?

Галиб проследил направление указующего перста и увидел кружку с водой и краюху черствой лепешки.

– Когда я принес завтрак ты спал, как убитый. Не стал будить. Пожалел.

– Спасибо.

– Не благодари раньше времени. Ешь, скоро выведу тебя на прогулку.

Надзиратель вышел из камеры и закрыл за собой дверь. Галиб подошел к откидному столику у стены, взял лепешку, понюхал, потом стал есть, запивая глотками воды. Послед-

няя слегка отдавала тиной, но другого выхода не было, иначе черствый хлеб царапал горло. Он едва успел управиться с едой, как зазвенели ключи, загремел замок, дверь открылась, и надзиратель сказал:

– Вишь, как в воду глядел. Пошли, на допрос тебя вызывают.

Юноша последовал за надзирателем.

Однако вернемся к прошлому событию. Отмотаем ленту времени немного назад. Когда пришли за дервишем было такое раннее утро, что оно еще захватывало часть ночи.

– Куда? Зачем? – спросонок бормотал дервиш, шагая по бесконечным коридорам, неся на спине тяжелый взгляд стражника. Но это был глас вопиющего в пустыне.

Его привели в большую комнату, и здесь он пробыл довольно долго, Дервишу надоело стоять, и он спросил у конвоира:

– Чего ждем? У моря погоды? Так это не ко мне, мой сокамерник в этом больше понимает. Он вырос у моря.

– Помалкивай, – цыкнул конвоир, – не твое собачье дело. Стой и жди.

– А чего сразу собачье? – возразил дервиш. – Разве нельзя вежливо ответить. Хотя в Древней Греции клялись собакой, если ты родом из Греции, то это совсем другое дело.

Что бы на это замечание ответил конвоир осталось загадкой, так как открылась в стене неприметная дверь. Оттуда

выглянул человек, сделал знак, подзывая. Дервиш ощутил толчок в спину и шагнул вперед. Новый конвоир повел его по длинной крытой галерее до следующей двери, где арестанта приняли другие люди. Один из них был вооруженный гвардеец, второй – судя по дорожному платью черного цвета, придворный хаджиб. Еще несколько переходов и комнат, и он оказался в большой зале. Здесь в массивном кресле с высокой спинкой сидел рыжебородый молодой человек в дорогом халате. На голове у него была чалма из тончайшего щелка с тускло поблескивающим драгоценным камнем. Слева и справа поодаль от него стоял придворные. В руках у сидящего в кресле была чаша, к которой он периодически прикладывался.

– Знаешь кто я? – спросил рыжебородый после долгого молчания.

– Боюсь, даже представить, – ответил дервиш.

После этих слов вопрошавший вдруг засмеялся, смех подхватили окружающие. Отсмеявшись, человек, сидящий в кресле задал еще один вопрос.

– Скажи мне, дервиш, что ты здесь делаешь?

– Меня, вельможный господин, тоже мучает этот вопрос. Вчера меня арестовали во время трапезы, бросили в темницу, а сейчас я стою перед тобой, – таким будет мой ответ.

– Я вижу, что язык у тебя подвешен неплохо. – заметил рыжебородый. Наверное, и умом тебя Аллах не обделил. Кто ты такой и чем занимаешься?

– Я дервиш, суфий. Брожу по свету, рассказывая на рынках и площадях поучительные истории и этим зарабатываю себе на жизнь.

– Ты уже себе представил кто я?

– *Назир?*

– Бери выше.

– *Вазир?*

– Выше!

Теперь издал смешок дервиш.

– Что тебя так рассмешило? – раздражаясь, спросил вельможа.

– Это мне напоминает историю, случившуюся с халифом Махди. Я могу рассказать, если позволите.

– Сделай одолжение.

– Халиф Махди заблудился на охоте, понесла лошадь, испугалась дикого зверя. Отстала от него свита. Он плутал по степи, пока не вышел на пастуха, пасшего своих овец, к шатру бедуина. Он был голоден, спросил у бедуина еды. Тот вынес из шатра хлеб, испеченный в горячей золе и бурдюк с остатками вина. Наполнил бедуин стаканчик и поднес Махди. Тот выпил и сказал:

– Знаешь ли ты кто я?

– Нет, клянусь Аллахом, – ответил бедуин.

– Я из слуг вельможи, – сказал Махди.

– Да ниспошлет тебе Аллах благодать в местопребывании твоём и облагодетельствует тебя, кто бы ты ни был. – ответил

бедуин.

Они выпили еще по стаканчику.

– О, бедуин, знаешь ли ты кто я? – вновь спросил Махди.

– Да, ты упомянул уже, что ты из слуг вельможи.

– Нет, это не так.

– Так кто же ты?

– Я один из военачальников Махди.

– Да будет обширен дом твой, и да станут приятными посещения тебя.

Они выпили еще по стаканчику и Махди спросил:

– Бедуин, знаешь ли ты кто я?

– Да. Ты один из военачальников Махди.

– Нет, я не таков.

– Так кто же ты?

– Я халиф – повелитель верующих.

После этого бедуин завязал бурдюк и убрал его. Махди спросил:

– Зачем ты убрал вино, налей нам еще выпить.

– Нет, клянусь Аллахом из этого бурдюка ты больше не выпьешь ни капли, – отрезал бедуин.

– Почему? – удивился Махди.

– С каждым стаканчиком ты становишься все более важной птицей. Если ты выпьешь еще, пожалуй, назовешь себя посланником Аллаха, пророком. Поэтому я не решаюсь налить тебе более того, что налил.

Махди рассмеялся. В это время их окружила конница,

свита халифа. Бедуин испугался, хотел бежать. Но Махди остановил его, сказав, «не бойся», и приказал щедро вознаградить его. Тогда бедуин сказал

– Свидетельствую, что ты говорил правду. Думаю, если бы ты выпил в четвертый и пятый раз, и стал бы хвастать и дальше, то выпутался бы из этого.

Махди так смеялся, что чуть не упал с лошади. И назначил пастуху кормление от казны. Так что, господин, если вы сразу назначите мне довольствие от казны, то я в отличие от бедуина легко поверю в то, что вы и есть повелитель верующих.

Рыжебородый вельможа с улыбкой выслушал рассказ и сказал.

– Ты, дервиш, несколько опережаешь события. Бедуин накормил и напоил халифа, и за это получил награду. А ты не только никаким добрым деянием не отличился в отношении меня, но еще и оскорбил моих родителей. Рассказываешь на площадях скабрзные анекдоты. Как ты посмел, как твой язык повернулся. Видно тебе надоело жить, и ты таким образом решил свести счеты с жизнью.

Слова, произносимые халифом, совсем не вязались с выражением его лица. Дервишу казалось, что он едва удерживается от смеха.

– Тебя следовало бы казнить там же. – продолжал халиф. – На площади в назидание другим, тем, кто слушал тебя. Но мои люди решили поступить по закону. Арестовали, отвели

в тюрьму. Тебе будет предъявлено обвинение в оскорблении чувств верующих. Поскольку я повелитель верующих, посему в моем лице оскорблены все мусульмане. Так что отсюда ты прямиком отправишься на плаху.

– Но зачем же меня в таком случае привели сюда? – спросил дервиш.

Ответа не последовало, и он сказал.

– Если повелитель позволит, я скажу кое-что в свою защиту, в свое оправдание. Наверное, меня для этого сюда и доставили. Чтобы я объяснился. Позвольте.

Сидящий на троне молчал.

– Если мы толкуем о законности и дисциплине, – продолжал дервиш, – то все обстоит не так как кажется. Дело в том, что анекдот, рассказанный мной, был вынужденным. Аллах свидетель, до этого я битый час рассказывал людям прекраснейшую сказку. Но чаша для подаяний была пуста. Чтобы не умереть с голоду, пришлось рассказать грубый анекдот. Он так всем понравился, что сразу посыпались монеты. А один юноша так сразу дирхем дал.

– И ты считаешь, что это оправдывает твою дерзость? – спросил халиф.

– Нет, повелитель, меня оправдывает другое. Этот анекдот не о вашем батюшке. Да упокоит Аллах его душу. И не о вашей матушке. Пошли ей Аллах долгие годы здоровья.

– Дервиш, тебе не удастся выкрутиться, – возразил халиф. – Соглядатай слышал, что ты говорил о халифе, то есть

обо мне.

– Я говорил о Харуне аль-Рашиде, – заявил дервиш, – он тоже был халиф.

При этих словах наступил тишина. Халиф посмотрел на человека, стоявшего ближе всех, это был хаджиб ал-худжаб, тот пожал плечами. Халиф тем не менее спросил у него.

– Наср аль-Кушури, зачем ты привел сюда этого человека, выясняется, что он говорил не обо мне.

Главный церемониймейстер нашелся мгновенно.

– Государь, – сказал он, – Харун аль-Рашид, ваш предок. Это в любом случае оскорбление престола, даже, если оно напрямую не касается вас. Так что этот человек должен быть казнен.

Халиф взглянул на дервиша и сказал:

– Не обессудь, братец. Я хотел тебе помочь. У меня доброе сердце. Но закон есть закон. Харун аль-Рашид – мой прямой родственник.

Дервиш тяжело вздохнул и произнес:

– *«И сказал он, – можете ли вы всеми моими деньгами купить мне один день жизни, который я проживу. И не могли они этого».*

– Что он там бормочет, мне не слышно? – спросил халиф у Кушури.

– Прощается с жизнью, – ответил, не думая главный хаджиб, – это видно его последнее слово.

– Но он что-то сказал про деньги.

– Повелитель, тебе послышалось. Это оборванец, нищий дервиш, суфий, откуда у него деньги? Они проповедуют аскезу.

– Ты глупец, Кушури. Аскет – не обязательно бедный человек. Вот, к примеру, наш вазир – Али ибн Иса. Он постится с тех пор, как его чуть не казнили во время заговора принца ал-Мутазза. А ведь денег у него хватает. Подойди, расспроси его. Может быть он богат этот дервиш. Разве ты не знаешь, что по закону, если у человека нет родственника, то после его смерти все его имущество отходит в казну.

– Вообще-то закон касается только людей, состоящих на вашей службе, – возразил Кушури.

– Самое время этот закон расширить. Ступай, потолкуй с ним.

– Слушаюсь, мой господин.

Главный хаджиб поправил кушак и подошел к дервишу, который, прощаясь с жизнью читал *фатиху* – заглавную суру Корана.

– Послушай, дервиш, – обратился он к нему, – ты что-то сказал про деньги?

– Когда?

– Ну вот только что. Кого-то там можно спасти за деньги?

– Это была цитата из одной сказки и слово деньги было в ней не главное, а что?

– Нет, ничего. Значит, денег у тебя нет?

– Если только данник завалился в прорехе. Я сидел и ужи-

нал, когда меня забрали, заплатил за ужин, хотя и не доел.
А в чем дело?

– Ничего, это все упрощает.

Кушури повернулся, чтобы вернуться к трону. Дервиш, глядя в удаляющуюся спину царедворца, вдруг сообразил, как можно продлить свое существование.

– Но я знаю, где есть деньги и много, – громко сказал он, – сокровища!

Кушури не обернулся. Он вернулся к халифу, но не успел ничего сказать. Халиф молвил:

– Я все слышал и оказался прав. Эй, дервиш, – крикнул он, – Мы тебя слушаем. Где деньги?

– Повелитель, простите мне мою дерзость, – сказал дервиш, – но что я получу взамен, огласите условия сделки.

– Ты что же, наглец, решил диктовать *мне* условия? – побагровел халиф.

– Ни в коем случае, я просто хочу узнать, какие *вы* мне поставите условия.

– А-а ну это другое дело, мы сохраним тебе жизнь.

– Я скажу, повелитель, но тайна не моя, повелитель, то есть у меня есть компаньон, его тоже задержали вместе со мной. Я за него тоже прошу.

– Все-таки дервиш, ты дерзок, – нахмурился халиф.

– Что вы, мой господин, просто это необходимое условие. Это клад заколдован. Найти его под силу только этому юноше. При моем общем руководстве, конечно. Дело в том, что

ключи к этим сокровищам находится в вашей библиотеке, но это загадка, ее надо разгадать.

– Приведите второго, – приказал халиф.

Кушури сделал знак, и один из стражников отправился выполнять приказ. Наступило долгое молчание. За окном светало. Халиф отчаянно зевал и не пытался скрыть это в отличие от остальных присутствующих в этом зале. Дервиш лихорадочно соображал, как ему сохранить лицо перед юношей. Можно сказать, что его пытали, поэтому он выдал тайну, но тогда нужны следы побоев. Или лучше сказать, что их разговор подслушал тюремщик. Пока дервиш сочинял достоверную отговорку, привели Галиба и поставили рядом с ним. Однако лгать не понадобилось. Вернее, дервиш получил отсрочку, ибо халиф заснул на своем троне. Кушури, поймав удивленный взгляд арестанта, сказал вполголоса:

– Не мудрено, застолье длилось всю ночь, а уж выпито было сколько, удивляюсь, что он раньше не заснул.

Он сделал знак. Два дюжих раба-нубийца приняли халифа за руки и ноги, аккуратно переместили на паланкин и унесли в высочайшие покои.

– Что здесь происходит? – спросил Галиб.

– Стой и молчи, – едва слышно ответил дервиш. – Я только что спас нашу жизнь от неминуемой смерти. Но за это придется заплатить немалую цену.

– Вы что там шепчетесь? – подозрительно спросил Кушури.

– Мой друг беспокоится о здоровье повелителя, – не задумываясь, ответил дервиш.

– Не надо беспокоиться, – ревниво возразил главный церемониймейстер, – и без вас есть кому беспокоиться, идите пока. Завтра продолжим. Эй, стража, отведите их в темницу.

* * *

– Что случилось? – спросил Галиб, когда они вернулись в камеру. – Кто это был, неужели халиф? Почему нас вызвали к нему?

– Ну что тебе сказать, мой юный друг. – тяжело вздохнув, сказал дервиш. – Если взглянуть с одной стороны, то ситуация такова, что ее можно расценить, как милость, ибо сотни просящих и страждущих, годами не могут попасть на аудиенцию к правителю. А нас он принял сразу. Но я не буду вводить тебя в заблуждение, ибо сказал мудрец – *если тебя позвал правитель, ты уйдешь от него худшим, чем пришел.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.